

ДЖОН ДУГЛАС
ПРОТОТИП ГЕРОЯ
СЕРИАЛА MINDHUNTER

МАРК
ОЛШЕЙКЕР

ЗАКОН И БЕСПОРЯДОК

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПРОФАЙЛЕР ФБР
ОБ ИЗНАНКЕ СВОЕЙ ПРОФЕССИИ



Охотники за разумом. Настоящие
расследования профайлеров

Марк Олшейкер

**Закон и беспорядок.
Легендарный профайлер ФБР
об изнанке своей профессии**

«ЭКСМО»

2013

УДК [821.111:343.9](73)
ББК 84(7Coe)+57.51

Олшейкер М.

Закон и беспорядок. Легендарный профайлер ФБР об изнанке своей профессии / М. Олшейкер — «Эксмо», 2013 — (Охотники за разумом. Настоящие расследования профайлеров)

ISBN 978-5-04-189587-7

Джон Дуглас — легендарный профайлер ФБР и прототип детектива Джека Кроуфорда в «Молчании ягнят». Никто лучше его не знает, как нужно вычислять и ловить особо опасных преступников и серийных убийц. Об этом он рассказал в своих книгах, ставших мировыми бестселлерами. Но после выхода на пенсию Джио Дуглас перестал быть связанным профессиональной этикой с правоохранительной системой США. Впервые и без купюр он говорит о том, как не нужно ловить убийц. Не боясь критиковать своих коллег, Дуглас описывает самые спорные дела, с которыми лично он сталкивался. Дела, где преступники остались на свободе, а невинные люди отправились на электрический стул. А также то, как новаторские следственные методики позволили ему восстановить справедливость там, где это было возможно. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК [821.111:343.9](73)

ББК 84(7Coe)+57.51

ISBN 978-5-04-189587-7

© Олшейкер М., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог. Охота на ведьм	6
Часть первая. Мое личное странствие	11
Глава 1. поймай меня прежде, чем я убью снова	11
Глава 2. По итогам дальнейшего рассмотрения	18
Часть вторая. Вопросы жизни и смерти	28
Глава 3. «Сегодня вечером убьют невиновного человека»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Джон Дуглас, Марк Олшейкер

Закон и беспорядок.

Легендарный профайлер ФБР

об изнанке своей профессии

Женщинам и мужчинам, которые борются за честь и справедливость, независимо от цены или последствий, – с уважением и восхищением посвящаем эту книгу вам

Правосудие – это правда в действии.
Бенджамин Дизраэли
Выступление перед палатой общин
11 февраля 1851 года

Несправедливость где-либо – это угроза справедливости повсюду.
Мартин Лютер Кинг-младший
Письмо из Бирмингемской тюрьмы
1963 год

John Douglas and Mark Olshaker
LAW & DISORDER:
THE LEGENDARY FBI PROFILER'S RELENTLESS PURSUIT OF JUSTICE
Copyright © 2013 by Mindhunters, Inc

© Орленко С.С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог. Охота на ведьм

Салем-Виллидж и Салем-Таун, колония Массачусетского залива, июнь 1692 года

Она отличалась от всех, считалась белой вороной. Хоть она и жила в их общине, но на деле всех их сторонилась. Идеальная характеристика для человека, который внушает страх.

Она всегда одевалась в черное, частенько ее наряды были странными и едва ли соответствовали пуританскому благочестивому образу жизни. Поэтому когда сэр Уильям Фипс – не так давно назначенный губернатор Королевской колонии Массачусетского залива – учредил суд Ойер и Терминер (по традициям британского права название *Oyer and Terminer* происходит от англо-французского выражения, которое переводится как «услышать и определить»), то никого не удивило, что 60-летней Бриджет Бишоп предстояло первой предстать перед этим судом.

Прошло более пяти месяцев с 20 января, когда у Бэтти, девятилетней дочери преподобного Сэмюэла Перриса, а также у его 11-летней племянницы Эбигейл Уильямс впервые среди прихожан церкви в Салем-Виллидж проявился странный недуг. У них начались внезапные приступы: то они чувствовали, что в них втыкают острые иглы, то – что им защемляют внутренности или их язык прорывает глотку. Девочки могли внезапно очень громко завопить или ощутить острую боль в спине и в шее. Доктор Уильям Григгс тщательно осмотрел пациенток, но не смог найти причин, приводящих к этим ужасающим симптомам.

Болезнь быстро перекинулась на 12-летнюю подружку девочек Энн Патнэм, затем на 17-летнюю подружку Энн Мэри Уолкотт и на служанку Патнэмов Мерси Льюис, которой тоже было 17 лет. Вскоре еще десять девушек и молодых женщин в возрасте до двадцати лет столкнулись с теми же проблемами.

Преподобный Перрис, получивший образование в Гарварде, а также другие видные деревенские старейшины пришли к самому логичному выводу в такой ситуации: «Среди нас пробудился дьявол», – и страшное колдовство стало разрушать прочные устои общины с ее упорядоченной во всем жизнью. Коттон Мэзер – наиболее ученый и влиятельный министр в колонии, сын преподобного Инкриза Мэзера, президента Гарварда, – уже предупреждал о подобной угрозе в своем известнейшем трактате *«Памятные знамения»* и сам исследовал заколдованных детей в Бостоне.

Чтобы подтвердить диагноз врача и убеждение министра, пришлось применить самые разные научные методы. Соседка преподобного Перриса Мэри Сибли, чья племянница Мэри Уолкотт была одной из пострадавших, заставила рабыню Перриса по имени Титуба, а также Джона Индиана, мужа Титубы, испечь ведьмин пирог. Этот хорошо себя зарекомендовавший метод впервые был применен в Англии. Вместо молока брали мочу больных девочек и смешивали ее с ржаной мукой. Когда вынутый из печи пирог остывал, им нужно было накормить собаку. Если у собаки после этого проявлялись те же симптомы, что и у больных людей, тогда считалось доказанным: люди действительно пострадали от колдовства. А когда подозреваемую ведьму вычислили, то можно было прибегнуть к «проверке прикосновением», которую описал Декарт в своем *«Учении об эффлювии»*. Если подозреваемый коснулся жертвы во время приступа и приступ прекратился, значит, подозреваемый и вызвал ту беду.

Ближе к концу февраля некоторые из девочек назвали имена трех женщин, которые мучили их. Первой была Титуба, она развлекала девочек рассказами, заклинаниями и прибаутками-заговорами из своего фольклора. Второй оказалась Сара Гуд – старая бездомная попро-

шайка, которая ходила от двери к двери и, как было известно, ворчала на тех, кто не подавал ей милостыню. Третья – вдова Сара Осборн – к вящему неодобрению всего города вышла замуж за слугу и к тому же редко посещала церковь. Всем было понятно, что столь маргинальные члены общины вполне могли вступить в сговор с дьяволом. Суд выдал ордера, и женщин арестовали по подозрению в колдовстве. К этому моменту следователи располагали солидной информацией для работы с подозреваемыми.

Первого марта мировые судьи Джон Хаторн и Джонатан Корвин начали слушания в молитвенном доме деревни Салем-Виллидж, переоборудованном во временный зал суда. Все девочки подтвердили, что на них напал *призрак* Сары Гуд.

Во время строгого допроса «тетушки» (их прозвали Goodies, от слова Goodwife – «мать семейства») Гуд и Осборн отрицали, что они ведьмы. Титуба, очевидно стараясь спасти себя, призналась, что была соблазнена дьяволом, но утверждала, что больше ему не служит. Следуя той же тактике, Гуд стала доказывать, что детей мучила именно Осборн. Однако проницательные следователи поняли: раз она об этом знала, значит, тоже является ведьмой.

На следующей неделе всех трех подозреваемых отправили в тюрьму Бостона, которая находилась в двадцати милях, и слушания продолжились. Всех, кого обвиняли девушки, доставляли на экспертизу, и большинство из этих людей отправлялось в тюрьму. Вскоре в список подозреваемых стали попадать уже не только маргинальные члены общины. Не прошло и месяца, как к ответу были призваны и благочестивые прихожане церкви, такие как Ребекка Нёрс.

При этом поведение пострадавших девочек не улучшилось. По всему выходило так, что дьявол облюбовал Салем и его окрестности. Ситуация достигла критических масштабов – будто смертельная болезнь, эти странные приступы стремительно распространялись, и носителем этой болезни мог оказаться любой. Никто не оставался вне подозрений.

Марта Кори высказала вслух общую мысль: а стоит ли настолько верить в показания пострадавших девочек? Вскоре после этого эти девочки увидели ее призрак в церкви на балке под потолком, прямо над ними. Они рассказывали, что призрак Марты держал на руках странную желтую птицу, словно Богоматерь держит младенца.

Одна из девочек, Мэри Уоррен, указала на свою хозяйку Элизабет Проктор. Муж Элизабет, известный и процветающий фермер, не верил в колдовство, как и Марта Кори. Когда дело Элизабет слушалось в суде, девочки выкрикивали его имя. Во время допросов Мэри не раз заявляла, что муж Элизабет – колдун.

Вне молитвенного дома, где слушалось дело, Мэри, как выяснилось, признала, что Джон Проктор никакой не колдун. Она предположила, что действия юных обвинительниц – всего лишь забава. Услышав это, другие девочки назвали ведьмой уже ее. Мэри арестовали, и после нескольких официальных допросов она тоже заявила, что Прокторы – колдун и ведьма.

Расследование приобрело такие масштабы, что его штаб пришлось перенести в большую церковь Салем-Тауна, в восьми милях от первоначального места.

Тем временем Сара Осборн умерла в заточении, а Сара Гуд родила. Ее ребенок скончался в тюрьме, и это лишь подтвердило подозрения в том, что у нее черная душа.

Тридцать первого мая на обвинения мировых судей отвечал Джон Олден. Это был 60-летний уважаемый всеми морской капитан и индейский борец¹, сын знаменитой пары Джона и Присциллы Олден. Он тоже не верил в колдовство и имел смелость предположить, что хорошая порка сможет излечить девочек от их припадков. Вскоре жертвы странного недуга назвали его главным колдуном.

Суд Ойер и Терминер, созданный для рассмотрения дел всех этих обвиняемых, состоял из семи судей, ученых и уважаемых людей. Губернатор Фипс назначил своего заместителя

¹ «Индийской борьбой» в то время называли состязания в силе, например борьбу на руках. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Уильяма Стоутона председателем с полномочиями главного судьи. Судьи посоветовались и определили некоторые ключевые правила. Признавшись, ведьма не понесет наказания. Это и позволит проявить милосердие, и побудит подсудимых называть имена других людей, практиковавших черные искусства. Стоутон консультировался с самыми известными и опытными пасторами Массачусетского залива и, наконец, пришел к выводу, что принимать следует и призрачные улики, связанные с видениями из потустороннего мира.

Таким образом суд подготовился к явке своей первой подсудимой, Бриджет Бишоп.

В 60 лет Бишоп похоронила уже двух мужей, из-за смерти второго ее обвинили в колдовстве еще прежде, чем разразился описываемый переполох. Но тогда ее оправдали. Потом она вышла замуж за Эдварда Бишопа, успешного владельца лесопилки.

Пять девочек назвали ее имя среди тех, кто причинил им ужасный вред. Владелец красильни Сэмюэл Шаттак дал показания о том, что тетушка Бишоп приносила ему на покраску «кусочки разных кружев», такие маленькие, что сгодились бы только на куклу. Что-то похожее проводили с куклами вуду. А Джон и Уильям Блай рассказали, что во время работы в подвале дома этой женщины видели кукол в черных кружевах, а еще она умирала колдовством их свинью. Несколько мужчин засвидетельствовали, что дух тетушки Бишоп появлялся в их домах и нападал на них во сне.

Во время допроса в суде Бишоп упорно отрицала, что она ведьма, что мучила девочек или заставляла их подписывать книгу дьявола. Неспособность признаться показала, что ее нельзя спасти.

К концу дня все правила юриспруденции были соблюдены, все необходимые судебные процедуры выполнены. Присяжные вернулись с приговором: они признали Бриджет Бишоп виновной по всем пунктам обвинения в колдовстве.

Восемь дней спустя, 10 июня, ее привезли на Холм виселицы – Гэллоуз-Хилл – и повесили.

Пять дней спустя двенадцать авторитетных министров Массачусетского залива уведомили суд письмом о своих сомнениях насчет правдивости призрачных показаний. Коттона Мэзера обеспокоило неверное понимание научного подхода. Он сделал вывод, что свидетельства о появлении призраков ведьм перед их жертвами ненадежны. Ведь дьявол может запросто принять облик любого человека, а тот ничего не заподозрит.

Однако судебное разбирательство не остановилось. Уильям Бил сообщил большому жюри округа Эссекс, что к нему явился призрак Филипа Инглиша, и на следующий день его сын Джеймс, больной оспой, умер, хотя до того, казалось, начал выздоравливать. К счастью для Инглиша, ему удалось сбежать из тюрьмы и переждать всю эту панику в Нью-Йорке.

Другим людям повезло меньше. Пять женщин, в том числе Ребекка Нерс, предстали перед судом 29 июня. Тетушку Нерс – 70-летнюю мать и бабушку из известной фермерской семьи – присяжные оправдали из-за отсутствия доказательств. Но когда огласили приговор, с пострадавшими девочками в зале суда началась истерика. Главный судья Стоутон увидел в этом *prima facie* – очевидное подтверждение ее вины, и настоял на отмене вердикта присяжных.

Девятнадцатого июля всех пятерых женщин повесили на Гэллоуз-Хилл.

К концу сентября девятнадцать подсудимых – тринадцать женщин и шестерых мужчин – признали виновными в колдовстве и казнили через повешение. Дело Джорджа Берроуза окончилось для него неудачей из-за того, что он не крестил одного из своих детей – а ведь это явное подтверждение связей с сатаной. Его повесили 19 августа вместе с Джоном Проктором и тремя другими осужденными. Их отлучили от церкви как ведьм и колдунов, признанных судом, и не стали хоронить надлежащим образом.

Двадцатый подсудимый – 80-летний фермер по имени Джайлз, муж Марты Кори, – отказался признавать вину и выразил протест против законности всей процедуры расследования. Судьи приказали отвести его в поле и класть ему на грудь тяжелые камни, пока тот не запросит

пощады. Но на все обращения к нему Джайлз отвечал: «Прибавьте веса!» Старик задохнулся под этим весом, но не признал себя колдуном.

Между тем судебные слушания вызывали все большую тревогу, число критиков этого процесса постоянно увеличивалось. Министров из числа голландских и французских кальвинистов в Новой Англии беспокоил вопрос достоверности доказательств. Главный судья Нью-Йорка выразил озабоченность по поводу качества правосудия. Томас Брэттл, известный бостонский математик и астроном, член Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе, опубликовал письмо с резкой критикой уже проведенного в Салеме судебного процесса. Он написал: *«Я боюсь, что веками будут порицаться эти события и останутся от них несмываемые пятна на нашей земле».*

Очевидно, губернатор Фипс нервничал. Он убедил Коттона Мэзера опубликовать трактат *«Чудеса невидимого мира»* в виде *«отчета о суде над несколькими ведьмами, недавно казненными в Новой Англии».* Автор надеялся, что его труд «очень поможет утихомирить волны ярости, которые мы сейчас так сильно обрушиваем друг на друга».

Несмотря на казни, зло продолжало захватывать деревню Салем и соседние общины. Дело заходило все дальше. Девочки обвиняли всех, на кого хватало выдумки, включая жену губернатора Мэри Фипс. Одна из них указала даже на самого Коттона Мэзера.

В октябре Инкриз Мэзер, отец Коттона, посетил Салемскую тюрьму и обнаружил, что некоторые из тех, кто признался, хотят отказаться от своих показаний. Во время большей части процесса он находился в Англии, а когда вернулся, то очень встревожился тем, что узнал. Мэзер-старший высказал свои опасения в трактате: *«Вопросы совести по отношению к злым духам в обличье людей, колдовству, безошибочным доказательствам вины в подобных случаях».*

В этом трактате Мэзер сформулировал свою знаменитую фразу: *«Пусть лучшие десять подозреваемых ведьм сбегут, чем один невиновный человек будет осужден».* Эта его позиция, конечно же, стала моральной основой современной нам системы правосудия.

Важно отметить, что почти все побуждения остановить происходивший кошмар возникли *за пределами* Салемской общины.

Еще до конца октября Общий суд колонии Массачусетского залива приказал провести встречу министров для оценки сложившейся ситуации. Через три дня губернатор Фипс распустил суд Ойер и Терминер, а всех оставшихся заключенных освободили под залог.

В конце ноября был создан новый Верховный суд для рассмотрения оставшихся дел, но больше не было ни обвинительных приговоров, ни казней. Люди перестали обращать внимание на больных девочек, у тех прекратились демонстративные припадки, и Салемские суды над ведьмами подошли к концу. В мае 1693 года губернатор Фипс помиловал всех оставшихся подсудимых. Никого и никогда больше не казнили за колдовство ни в американских колониях, ни в той стране, которая позже возникла из этих колоний.

Причины недугов девочек остаются предметом споров. Кто-то говорил, что это был неправильно диагностированный физический недуг, возможно, грибковая инфекция от злаковых, которую сейчас называют отравлением спорыньей. Хотя это не объясняет, почему симптомы проявлялись только у девочек и молодых женщин от девяти до двадцати лет. Возможно, началось все с того, что две девушки просто искали внимания, а позже пытались избежать наказания за самовольный переход строго установленных для них социальных границ. Или же там случилось массовое конверсионное расстройство², когда существовавшие ранее невротические состояния преобразовались в физические симптомы у нескольких человек одновременно. Не такое уж необычное явление, как можно подумать.

² Патология истерического спектра, значительным образом влияет на поведение человека.

Как бы то ни было, случай перерос в массовую истерию, которая продолжалась до тех пор, пока ей не уделили должного внимания.

Преподобного Сэмюэла Пэрриса, в чьем доме все и началось, отстранили от управления церковью, он покинул Салем-Виллидж с позором.

Заместитель губернатора Уильям Стоутон возглавлял судебные процессы, твердо верил в колдовство и заставил присяжных осудить Ребекку Нерс. В его честь названы город в штате Массачусетс и здание в Гарвард-Ярде.

Правнук следователя Джона Хаторна изменил написание своей фамилии, чтобы отделить себя от печально известного предка. Позже своими работами Натаниэль Готорн³ принес честь и славу этому имени.

В январе 1697 года Общий суд проголосовал за создание фонда для возмещения убытков и выплаты репараций обвиненным в колдовстве и выжившим из числа приговоренных к казни.

А 25 августа 1706 года уже 26-летняя Энн Патнэм, та самая, которая в двенадцать лет стала одной из первых обвинительниц ведьм, подала прошение в церковь Салем-Виллидж. Она публично признала свою роль в событиях 1692 года и умоляла о прощении Бога и всех, кого она обидела. Прихожане единогласно проголосовали за удовлетворение ее прошения.

Сегодня та деревня называется Данверс, а Салемский музей ведьм в Салем-Тауне – это популярный туристический аттракцион, который удивительным образом сочетает подробный исторический ракурс с острыми, пробирающими до костей жуткими хеллоуинскими ощущениями. Но, как мы уже видели, для тех, кто попал в этот водоворот, шумиха вокруг салемских ведьм стала смертоносно серьезной и надолго омрачила раннее уголовное правосудие Америки. Пока истеричным девушкам и их сторонникам позволялось вершить судьбы общества, в безопасности не оставался никто.

Причина для такого детального рассказа о том давнем деле заключается в том, что, к сожалению, оно до сих пор напоминает о себе, когда нечто подобное происходит в системе современного уголовного правосудия. Это случается, когда кто-либо – прокуроры, защитники, присяжные, средства массовой информации, общественность в целом – высказывает предвзятые мнения или убеждения, которые являются преждевременными и противоречат фактам, доказательствам или даже здравому смыслу. И не имеет значения, идет речь о невинно осужденных людях или же о виновных, избежавших наказания. Несправедливость работает в обе стороны.

В Салеме присутствие и влияние Сатаны воспринималось всеми как реальность, поэтому такое предубеждение, предвзятое суждение являлось фактором повседневной жизни того общества. Но таким фактором могло оказаться что угодно. Догадки и допущения, ложные признания и отказ от показаний, недоверие к чужакам и страх перед теми, кто отличается от других, врожденная потребность в объективности, авторитете или получении разгадки... все это составляющие той салемской истории. Однако итоги судебного процесса в Салеме не положили конец влиянию подобных факторов. Мы увидим вариации тех же явлений во всех случаях, о которых расскажем на следующих страницах.

Триста лет спустя многие уроки Салема так и остаются неусвоенными.

³ Американский писатель, автор романов в стиле «мрачного» романтизма и символично-аллегорических новелл.

Часть первая. Мое личное странствие

Глава 1. поймай меня прежде, чем я убью снова

Это было одно из самых отвратительных и жестоких убийств в истории Чикаго – а тогда этот город уже успел получить печальную известность благодаря жестокости совершенных там преступлений.

Рано утром, в понедельник 7 января 1946 года, очаровательную шестилетнюю белокурую девочку по имени Сюзанна Дегнан похитили из ее спальни в доме родителей по адресу 5943 на улице Северная Кенмор-авеню в районе Эджуотер северной части Чикаго. В неграмотно написанной записке от родителей потребовали 20 тысяч долларов, предупредили «не Обращаться в ФБР или полицию», и велели «оЖЕдать ИзВестий». За окном спальни Сюзанны обнаружилась лестница.

В полицию позвонил человек, который не представился, а затем посоветовал проверить канализацию возле дома семьи Сюзанны. Еще до заката полиция обнаружила расчлененные останки девочки в нескольких канализационных коллекторах рядом с ее домом, а также в сплошь залитой кровью прачечной в подвале многоквартирного дома на соседней улице Уинтроп-стрит, где разрезали тело ребенка. Смерть явно наступила от удушения и произошла где-то между прачечной и домом семьи Дегнан.

Всё это произошло через год после моего рождения. К тому времени, когда я стал изучать это дело, тот человек, которого признали виновным и осудили за убийство малышки, сидел в тюрьме уже тридцать три года.

После командировок в Детройт и Милуоки в качестве местного агента, в 1977 году я получил направление в отдел поведенческих наук (BSU) Академии ФБР в городе Куантико, штат Вирджиния, где преподавал прикладную криминальную психологию по программе национальной академии бюро. Слушатели там были разные: агенты-новобранцы, опытные детективы, полицейское начальство. Проблема заключалась в том, что многие из этих парней (в то время женщин среди учащихся у нас было очень мало) знали об обучающих примерах больше меня. Иногда к нам попадал шеф полиции или старший следователь, реально работавший по какому-либо делу, которое рассматривалось в качестве учебного примера.

Не желая показаться несведущим, глупым или тем и другим перед матерыми копами, я решил встретиться лицом к лицу с жестокими убийцами, выяснить, что происходило у них в головах во время совершения преступлений и какие мысли приходили к ним потом. Мы с коллегой-инструктором Робертом Ресслером регулярно проводили «выездные школы» для местных отделений полиции и шерифов по всей стране, и я понял, что эти поездки дают нам прекрасную возможность посетить особо опасных преступников в разных учреждениях для длительного содержания.

Так, неформально и неофициально, мы приступили к изучению серийных убийц, а в итоге все это вылилось в подробнейшее исследование с финансированием от Национального института юстиции (NIJ). В соавторстве с Ресслером и доктором Энн Берджесс из Пенсильванского университета я написал две знаковые книги – «Сексуальные маньяки. Психологические портреты и мотивы» (*Sexual Homicide: Patterns and Motives*) и «Руководство по классификации преступлений» (*Crime Classification Manual*) – и укрепил свою карьеру как первого оперативного поведенческого психолога-криминалиста ФБР.

Удивительно было – по крайней мере, для нас в то время, – что практически каждый убийца из нашего «списка желаемых лиц» согласился поговорить с нами. Одно из самых ранних интервью я и Боб Ресслер взяли у Уильяма Джорджа Хайренса в тюрьме Стейтсвилл в

городе Джолиет, штат Иллинойс. В 17 лет Хайренс признал себя виновным в убийстве маленькой Сюзанны Дегнан, а также двух взрослых женщин: 40-летней домохозяйки Джозефин Росс и 31-летней Фрэнсис Браун, которая служила в женском подразделении WAVE Военно-морского флота во время Второй мировой войны.

Обнаженное окровавленное тело Браун обнаружили в ее квартире неподалеку от дома Росс утром 11 декабря 1945 года, когда горничная Марта Энгельс пришла туда убираться. Она обнаружила Браун в ванне с пулевым ранением черепа и с ножом в горле. На стене гостиной красной помадой убитой Браун была нацарапана то ли мольба, то ли, возможно, издевательская насмешка:

Ради бОга пОймай Меня
ПрЕжде Чем Я Убью Снова
Я не могу себя контролировать

На следующий день расторопные чикагские газетчики уже успели опубликовать новости об этом, где назвали неизвестного субъекта (в наших кругах неизвестный субъект называется термином UNSUB) этого отвратительного и ужасного преступления «Помадным убийцей».

Мы с Ресслером подготовились к интервью в Джолиете, изучив материалы дела Уильяма Хайренса и сведения о его пребывании в тюрьме. Он был образцовым заключенным на протяжении всего срока и первым из осужденных в Иллинойсе, кто получил высшее образование, выполнив дипломную работу.

В отличие от многих преступников, кого мы исследовали или только собирались, в Хайренсе не обнаруживалось никакого высокомерного, «зловещего», эгоистичного или властного поведения. В нем не было ничего пугающего; в отличие от некоторых, с кем мы беседовали, он не производил впечатления зверя, жаждущего оторвать нам головы. Он был вежлив, грамотно разговаривал, однако на протяжении всех нескольких часов интервью настаивал на своей невиновности. Он утверждал, что его запугали в полиции Чикаго, вынудив признаться. Жаловался на своих адвокатов: якобы, желая спасти его от электрического стула, они придумали сделку с признанием вины и заставили ее заключить.

На любой наш вопрос у Хайренса был готов ответ. Он открыто признался в своей продолжительной карьере взломщика, однако клялся, что у него есть алиби на время совершения всех трех убийств и что его не было даже близко к местам совершения преступлений. Он так увлеченно рассказывал о своей невиновности, что его настойчивость стала убедительной, я был уверен, что Хайренс смог бы тут же успешно пройти проверку на детекторе лжи. Когда мы выходили из тюрьмы, я думал про себя: *черт возьми, может, этот парень и правда зря мотает срок?*

Одна из главных загадок человеческого существования – это то, что на самом деле происходит между двумя людьми в любой ситуации. Когда этой ситуацией становится убийство, такая тайна обостряется до крайности. *Возможно ли такое, чтобы этот конкретный подозреваемый оказался способен на худший поступок из тех, которые один человек может совершить против другого? А если нет, то кто это сделал?*

Сущность уголовного правосудия заключается в том, чтобы собрать как можно больше доказательств, улик, любых зацепок, какие только приходят на ум, и в итоге представить и рассказать логическую, последовательную и правдоподобную историю. Она должна возникнуть и у следователя, и у защиты, и у обвинения. Версия, которая подкупает присяжных, в конечном счете и определяет исход дела. Я научился этому, а нынешние психологи-криминалисты учатся в Академии ФБР в Куантико: применяют наши знания, опыт и чутье, чтобы интуитивно составить историю, в которой жертва известна, а хищник неизвестен. Как всегда бывает в уголовном правосудии, есть несколько способов рассказать остальную часть истории Уильяма Хайренса.

Меня настолько впечатлили его вполне правдоподобные заявления о своей невиновности, что по возвращении в Куантико я откопал свои копии материалов дела и просмотрел все ключевые моменты.

Я перенес материалы на второй этаж академической библиотеки, куда часто ходил, когда хотел сосредоточиться. На моем рабочем месте постоянно звонил телефон, да и коллеги частенько заходили со своими вопросами или еще под каким-то предлогом, мешая мне этим. Кроме того, работая в той сфере, основные метафоры для которой – мрак и ночь, я предпочитал солнечный свет. В то время отдел поведенческих наук располагался в офисах на глубине 18 метров под землей, это пространство изначально было спроектировано как бункер для экстренных служб. Что и стало причиной для появления частенько звучавшей шутки о том, что нас похоронили в десять раз глубже любых мертвецов.

Разумеется, все факты в пользу обвинения ясно просматривались в материалах дела Хайренса. У него было сомнительное прошлое, чего и следовало ожидать от серийного убийцы: он был рискованный одиночка, чуть не сжег дом во время химического опыта, а позже спрыгнул с крыши гаража, чтобы опробовать свои самодельные крылья из картона; его родители были склонны к жестокости и регулярно сталкивались с денежными проблемами; у него за плечами были серийные кражи со взломом, начиная с тринадцати лет; он обвинялся в нарушении законов об оружии; он учился в исправительных школах. Судя по краденым книгам, которые нашлись у него, включая «*Половию психопатию*» Ричарда фон Краффт-Эбинга, а также по альбому, составленному на тему нацистов, Хайренс, похоже, испытывал неослабевающий интерес к сексуальным извращениям. У него даже обнаружили собственный переносной хирургический набор. Инструменты были слишком маленькими и хрупкими, чтобы ими удалось разделить тело, но интерес, проявляемый к подобным вещам, явно не улучшал положение того, кто признался в посмертном расчленении ребенка.

Само признание вышло достаточно прямолинейным, за исключением эпизодов с соучастником по имени «Джордж Мурман». Следователи решили, что для преступника это была возможность спасти репутацию, «альтер эго», «другое я», тот, кто «довел его до этого». Джордж – второе имя Хайренса, а Мурман, как решили следователи, сокращение от слова «убийца» (murder man). Похоже, наше исследование вскоре продемонстрирует нам классический случай перерастания замысла кражи в убийство, когда хозяева дважды непредвиденно оказались дома во время взломов. В дальнейшем ситуация обостряется и приводит к жестокому убийству маленькой девочки. Хайренс официально подписал признание не один раз, а дважды, оба раза в присутствии адвокатов.

С прочими деталями дела тоже все было в порядке. Убийства совершались в тех же районах, где Хайренс грабил дома. Можно обозначить эти адреса его «зоной комфорта». Задержали преступника в разгар кражи со взломом, и он пытался стрелять в полицейских, пока один из них, сообразив, что происходит, не разбил об его голову керамический цветочный горшок. Хайренс попал в медицинский изолятор Брайдуэлл, связанный с тюрьмой округа Кук. Несмотря на свою фрагментарную учебную подготовку, подозреваемый оказался достаточно умен, чтобы поступить в прославленный Чикагский университет в возрасте шестнадцати лет. В этом Хайренс повторил подвиг других печально известных чикагских убийц, Натана Леопольда и Ричарда Лёба, осужденных за жестокое убийство 14-летнего соседа и троюродного брата Лёба, Бобби Фрэнкса, причем из камеры смертников их вытащила только пылкая защита легендарного адвоката Кларенса Дэрроу. Местная пресса следила за тем, чтобы ни одна из подробностей нового дела не ускользнула от запуганной и жаждущей новостей публики. Газета *Chicago Tribune* назвала убийство Сюзанны Дегнан одним из самых жестоких убийств в Америке со времен дела Лёба – Леопольда.

Поступив в престижный университет, Хайренс специализировался на электротехнике и продолжал грабить частные дома, магазины и апартаменты⁴. Мизерные суммы денег, драгоценности и странные штучки, которые он воровал, свидетельствуют о нем как о человеке, больше заинтересованном во всплеске адреналина, нежели в прибыльной преступной деятельности. Если этот парнишка смог до такой степени мысленно разграничить свою жизнь, то, возможно, горестный призыв поймать его прежде, чем он убьет снова, мог иметь какой-то смысл. Можно даже объяснить эти незрелые каракули психологической попыткой отделить интеллектуально одаренного «Билла Хайренса» от зловещего «Джорджа Мурмана».

Наиболее убедительными были вещественные доказательства: отпечаток пальца Хайренса обнаружился как на записке о выкупе, так и на окровавленном дверном косяке в квартире Фрэнсис Браун. Отпечаток с записки с требованием выкупа в итоге вызвал сомнения, поскольку не набрал необходимых пятнадцати точек сравнения (их было девять; ФБР требовало минимум двенадцать). Но тот, что нашли на месте убийства Браун, совпадал идеально точно.

В таком контексте сущность дела проясняется. Сидевший в тюрьме долгие годы, умный и склонный к самоанализу, Хайренс располагал бесконечным временем для размышлений. Он позволил своей психике пренебречь реальностью и убедил себя в том, что хоть он и матерый серийный вор, но в тех трех убийствах, взятых на себя, он не виновен.

Мы изучали дело Уильяма Хайренса в течение многих лет после того, как включили его в наш «Проект по исследованию личности преступников» – первое организованное исследование, в котором удалось соотнести каждый этап насильственного преступления с тем, что преступник думал и делал в это время. Это исследование легло в основу научной дисциплины, доказавшей свою точность и полезность при поиске и судебном преследовании серийных убийц, насильников и других жестоких, хищных преступников в течение более чем сорока лет, благодаря многим тысячам расследований и судебных процессов.

В 1987 году, почти через десять лет после моей беседы с Биллом Хайренсом, в Куантико приехал Джо Хоргас, детектив из соседнего округа Арлингтон, штат Вирджиния. Долгие годы Хоргас упорно занимался расследованиями, и после этой работы, которую я считаю блестящей и вдохновляющей, он предположил, что нащупал связь между преступлениями в Арлингтоне. Дерзкие взломы, жестокие изнасилования и ужасающие убийства с изнасилованиями, совершавшиеся на протяжении нескольких лет в этом городе, перекликались с аналогичными преступлениями в соседней Александрии и в окрестностях Ричмонда. Многие другие сотрудники полицейских управлений этой связи не улавливали. Однако Хоргас был убежден в ее существовании. По его мнению, серия преступлений восходит к арлингтонскому убийству Кэролин Хэмм, 32-летней женщины-адвоката, в 1984 году.

После того как мы выслушали презентацию детектива и изучили все собранные им доказательства – от времени и метода перехода к физическим и поведенческим особенностям до выбора жертв и лабораторных отчетов, – мы согласились, что случаи почти наверняка связаны. В нашем деле очень мало абсолютных понятий, в психологической криминалистике – ни единого, но это было чертовски хорошее совпадение.

Затем Хоргас поразил нас неожиданным выпадом. «На самом деле, дело Хэмм закрыто просто потому, – пояснил он, – что одного человека арестовали, отправили под суд и приговорили».

Ничего себе!

Хоргас рассказал нам о Дэвиде Васкесе, 37-летнем латиноамериканце, которого полиция Арлингтона арестовала спустя две недели после убийства. Он жил с другом по соседству с Хэмм, и двое свидетелей видели его около дома убитой. Когда детективы обыскали его ком-

⁴ ОТЕЛЬ, номера в котором совмещают в себе удобства гостиничного номера и квартиры.

нату, они нашли там порнографические материалы с изображением женщин с кляпом во рту и обездвиженных веревками, а также тайно сделанные фотографии женщин на разных стадиях раздевания. Причастность Васкеса к убийству не смогли доказать по обнаруженным на теле или одежде жертвы образцам спермы, на это намекали только лишь образцы волос. Но он признался!

«Полагаете, здесь замешан не один человек?» – спрашивал Хоргас.

Это далеко не праздный вопрос. Поскольку Васкес явно обладал крайне ограниченным интеллектом, а преступление было изощренным, то предположение о том, что убийство Хэмм могло быть делом рук двух преступников, казалось достаточно убедительным. Причем неизвестный субъект (UNSUB) командовал, а Васкес ему подчинялся. За прошедшие годы мы сталкивались с подобными случаями, так что это вполне осуществимо. Обычно на месте преступления остаются довольно заметные признаки присутствия как организованной, так и неорганизованной группы.

Однако Васкес ни разу не упомянул кого-либо еще, и в деле Хэмм не нашлось ничего, что указывало бы на преступление с участием двух лиц. На самом деле, судя по тому, что Хоргас рассказал нам о Васкесе, вряд ли у того хватило бы интеллектуальных способностей или криминального опыта для осуществления чего-то настолько преступно изощренного.

В какой-то момент преступления в Северной Вирджинии прекратились, но через три года похожие криминальные события начались в Ричмонде, этот факт позволил установить закономерность между ними и дал пищу для новых размышлений. Поскольку преступники такого типа редко прекращают убивать сами по себе, то мы предположили, что реального виновника задержали за какое-то другое преступление, например, за кражу со взломом, приговорили к трем годам тюремного заключения, а потом он каким-либо образом оказался на свободе в Ричмонде.

Хоргас стал прорабатывать эту версию, отслеживая каждую запись о ком-то, кто мог бы соответствовать обозначенным параметрам. Он вернулся к районам Арлингтона, где были совершены первые преступления. Вскоре он вспомнил о проблемном афроамериканском подростке по имени Тимоти Уилсон Спенсер, дело которого Хоргас расследовал в связи с обвинением в краже со взломом. Несколько проверок на компьютере подтвердили точное попадание в «яблочко». В 1984 году, когда Спенсеру было 22 года, он был арестован за кражу со взломом в Александрии, а в 1987 году его отправили в реабилитационный центр в Ричмонде. Как только Спенсер был выбран в качестве подозреваемого, все встало на свои места. Самое главное, его ДНК совпала с образцами, обнаруженными на местах трех убийств и нескольких изнасилований.

Хотя Спенсер ни в чем не признался, его осудили за убийство первой степени, признали виновным в ходе трех отдельных судебных процессов и во всех трех случаях приговорили к смертной казни. Его осуждение явилось первым успешным применением анализа ДНК в качестве доказательства в судебной истории Соединенных Штатов. После отклонения всех его апелляций 27 апреля 1994 года Тимоти Уилсона Спенсера казнили на электрическом стуле в тюрьме города Джаррат штата Вирджиния.

Этот результат очень радует таких людей, как я, чья профессиональная деятельность заключается в помощи полицейским отыскивать и сажать в тюрьму худших членов общества, добиваясь при этом справедливости для тех, кто больше не может защитить себя. Однако один гигантский узел развязать так и не удалось. Дэвид Васкес остался в тюрьме за преступление, которое, по нашему убеждению, входило в цепочку криминальных действий, совершенных кем-то другим. Два свидетеля против Васкеса не стали менять свои показания, а образцы ДНК с места преступления пришли в такое плохое состояние, что стали бесполезными. Чтобы с большей вероятностью вызволить невинно осужденного – продемонстрировав, что убийство

Хэмм совершенно тем же человеком, что и другие убийства, – скорее всего требовалось применить научные методы бихевиористики⁵. Именно тогда мы взяли на себя главенствующую роль.

Группа психологов-криминалистов в ФБР теперь называется отделом поведенческого анализа (BAU). Когда я стал первым штатным специалистом по психологической криминалистике, то работал в отделе поведенческих наук, в основном оторванном от практики. Чтобы наши клиенты-полицейские стали относиться к нам серьезно, а также чтобы «избавиться от клейма BS (поведенческих наук)», я назвал новую группу психологов-криминалистов отделом поддержки расследований (ISU). В этот отдел вошло двенадцать специалистов, которых я ласково прозвал «Чертовой дюжиной». Вскоре мы анализировали уже более тысячи дел в год, поэтому создали систему, в которой каждому специальному агенту отдела был назначен свой географический регион страны.

Когда рассматривалось дело Васкеса – Спенсера, Вирджинию курировал агент Стив Мардиджиан. Он приступил к сбору материалов и анализу каждого аспекта всех связанных с этим преступлений. Спустя несколько месяцев работы он представил нам свои выводы на тематической конференции. Мы сошлись во мнении о том, что здесь работал находчивый, опытный, злой и склонный к манипулированию сексуальный садист. Дэвид Васкес не совершал и не мог совершить убийство Кэролин Хэмм.

Завершив анализ, мы вместе с Джо Хоргасом и арлингтонской полицией обратились к Хелен Фэйи, прокурору округа Арлингтон, с просьбой убедить губернатора Джеральда Бэлайлза полностью помиловать Васкеса. К ее петиции прилагался отчет, подписанный мной и Мардиджианом. Менее чем через три месяца Дэвид Васкес вышел на свободу, проведя четыре года в тюрьме за преступление, которое признал, но не совершал.

Если бы его адвокат защиты обратился к нам за помощью по этому делу, нам пришлось бы отказать ему. Это дело не относилось к федеральной юрисдикции, поэтому мы могли вмешиваться, только если нас попросили местные правоохранительные структуры. Кроме того, мы работали на пределе возможностей и свои услуги предлагали только полиции, шерифу и другим следственным органам, а не тем, кто обвиняется в преступлениях. Даже если бы у нас появились соответствующие возможности, я не могу себе представить, чтобы руководство ФБР позволило нам поступать по принципу «и нашим и вашим».

Однако благодаря работе над этим делом мы прояснили сущность признания Васкеса. Напуганный и загнанный в угол на допросах в полиции, он понял, что его единственное «спасение» – это угождать следователям, сотрудничать с ними и давать им те показания, которые им нужны. Намеренно или нет, его так сильно нагроулили информацией, что она превратилась для него в «видение» о том, что он убил Кэролин Хэмм. Васкес наивно предполагал, что если будет слушаться полицейских, то его отпустят.

Был ли приговор Дэвиду Васкесу ужасной судебной ошибкой? Конечно был. Но позвольте мне указать на один важный фактор. Да, сотрудники правоохранительных органов посадили Васкеса за решетку. Но его вызволили также сотрудники правоохранительных органов, а не репортеры, юристы или гражданские борцы за права человека. Именно непредвзятость, беспристрастность и порядочность (или отсутствие этих качеств) у тех, кто связан с процессом уголовного правосудия, лежат в основе этой книги.

Если формулировать в самом общем виде, то цель нашего подхода к системе уголовного правосудия – это попытка сотворить невозможное: по максимуму восстановить гармонию в мире после того, как кто-то совершил поступок, нарушающий эту гармонию. В данном контексте – противозаконный поступок. Системе уголовного правосудия известны и понятны собственные ограничения как в плане возвращения потерпевших к нормальной прежней жизни, так и в плане определения истины в последней инстанции. Просто запомните: *никого и никогда*

⁵ Наука о поведении.

не признают невиновным. Это так. Единственное, на что способна система, это найти различие между «виновным» и «невиновным». Доказан ли уровень адекватной убежденности человека в своих поступках? Это тот вопрос, на который система всегда стремится получить ответ. Мы знаем, что это самое оптимальное из доступных нам действий, поэтому мы должны постараться выполнять его как можно лучше.

Долгое время после того, как мы закрыли дело Васкеса, оно продолжало преследовать меня. Так и должно происходить с любым представителем правоохранительных органов, если он серьезно относится к своему долгу. Я всегда считал, что признание – это идеал развития событий: если человек признался, значит, дело раскрыто! Но Дэвид Васкес поставил эту мысль под сомнение.

Что заставляет нас вернуться к Уильяму Хайренсу.

Глава 2. По итогам дальнейшего рассмотрения

Когда в начале своей карьеры специального агента ФБР вы получаете первое задание в местном офисе, вы еще довольно наивны в отношении некоторых вещей, особенно если у вас, как и у меня, еще не было опыта работы в правоохранительных органах. Вы довольно быстро понимаете, что не все рады вас видеть, и я говорю не только о плохих парнях. Одни полицейские управления приветствуют помощь, которую может предоставить им Бюро, в то время как другие считают нас за горилл в две сотни килограммов весом, которые играют мускулами на их территории.

Когда вы новичок, вы склонны считать, что все отделения полиции и шерифов проводят полное и тщательное расследование, как вас и учили в Академии ФБР, а также что все доказательства, получаемые вами от них, являются убедительными и надежными. Что ж, это не всегда является правдой.

За годы своей работы в Бюро я обрабатывал огромное количество текущих дел, большую часть этого времени возглавляя отдел поддержки расследований, поэтому мне нечасто удавалось вернуться к рассмотрению криминальных историй, оставшихся в прошлом. Только когда я вышел на пенсию, у меня появилась возможность вернуться к преступлениям, которые я изучал в начале своей карьеры, таким как «Помадный убийца» в Чикаго.

Давайте разберем этот случай и посмотрим, получится ли на этот раз представить всю историю по-другому. Мы обратимся к некоторым фактам и событиям, которые мне были неизвестны во время тюремного интервью, а также воспользуемся опытом, исследованиями и знаниями, приобретенными при создании программы анализа уголовных расследований моего отдела. И начнем весь этот процесс так, словно составляем профиль личности неизвестного субъекта (UNSUB) для консультирования полицейских.

Во-первых, давайте разберемся, правильно ли мы понимаем роль психолога-криминалиста в уголовном расследовании.

Пункт номер один: мы не ловим преступников. Это задача полиции. Мы помогаем местным правоохранительным органам сосредоточить расследование на определенном типе неизвестного субъекта. В зависимости от доступных нам доказательств или улик мы можем предоставить полиции довольно специфические данные: пол, расу, возраст, район проживания, мотивы, профессию, происхождение, личные отношения и другие аспекты личности предполагаемого человека. Мы также предложим превентивные методы, которые побудят преступника предпринять шаги в определенном направлении. После задержания подозреваемого мы можем помочь в допросах и в выборе стратегии обвинения. В ходе судебного разбирательства мы готовы предоставить экспертные показания о почерке, *modus operandi* (МО), мотивах, связях, классификации и подготовке преступления.

Вся эта работа основывается на наших исследованиях и специфическом опыте, куда входят уже десятки тысяч дел, что значительно больше, чем в практике любого местного следователя. По сути, мы используем те же приемы, что и наш вымышленный предшественник Шерлок Холмс. Все это основано на логических, дедуктивных и индуктивных рассуждениях, а наше основное уравнение таково:

ПОЧЕМУ? + КАК? = КТО

Это звучит просто, но в процессе анализа возникает бесчисленное множество переменных, и чтобы действительно приносить пользу, мы должны эту схему максимально конкретизировать. Все мы знаем стереотипы, например: белый мужчина, одинокий, в возрасте двадцати с небольшим лет. Но даже в тех случаях, когда это описание является точным, оно мало помогает, если мы не можем сказать ничего о том, где этот мужчина живет, что происходило в его

жизни, какого типа изменения замечали в нем члены семьи, друзья и коллеги, когда и где он может нанести еще один удар, как он отреагирует на расследование и т. д.

Я всегда говорил новым агентам в своем отделе, что для составления профиля неизвестного субъекта этого недостаточно; следует составить еще и профиль жертвы. Вы должны понимать, вел ли этот человек образ жизни, связанный с повышенным уровнем риска, оставался ли пассивным или агрессивным перед лицом угроз, были ли у нее или у него враги или плохие отношения в прошлом и т. д. Но я пришел к выводу, что даже этого недостаточно. Нужно также составить профиль *ситуации*. Под этим я подразумеваю рассмотрение того, что происходит в ходе расследования и вокруг него. Какова социальная среда? Как люди относятся к конкретному преступлению? Какую роль играют СМИ? Каков уровень культуры в полиции? Есть ряд важных вопросов, которые можно задать, чтобы понять положение дел в данной местности.

Большинство людей знают о репутации Чикаго в бурные 20-е годы, когда сухой закон способствовал прибыльности крупных преступных группировок. Однако за прошедшие с тех пор годы город пережил много невзгод. После относительно спокойного периода во время Второй мировой войны городские власти обеспокоились тем, что наплыв вернувшихся военнослужащих и сокращение рабочих мест снова вызовут рост насильственных преступлений. Полиция и так уже ощущала сильную нагрузку. А когда в июне 1945 года, в конце войны, была убита Джозефин Росс, а затем в декабре Фрэнсис Браун, всего через четыре месяца после Дня Победы, эта нагрузка только усилилась.

В моем деле всегда учитывается роль СМИ, а в Чикаго была самая дерзкая и свободная пресса в стране. Когда у журналистов появился повод писать о «Помадном убийце», они начали доводить публику до безумия. И к тому же мы не можем игнорировать тот факт, что на протяжении первой половины XX века и даже позже в Чикаго сохранялась проблема с коррупцией. Это, в свою очередь, привело к двум другим проблемам: общественность цинично и скептически отнеслась к способности властей решать проблемы, а власти же чувствовали необходимость находить решения, независимо от того, располагают они средствами для этого или нет.

Если бы я консультировал полицейское управление в Чикаго после изучения случаев Росс и Браун, я бы посоветовал им поискать белого мужчину в возрасте от двадцати до тридцати лет, который уже был связан со взломами и насилием в отношении женщин. Этот человек стремился к контролю над происходящим, внутри него таилось огромное количество ярости, о чем свидетельствовал «перебор» однотипных ножевых ранений. Ни одна из женщин не отличалась агрессивностью и не вела рискованный образ жизни. Убили их случайно: к несчастью, жертва оказалась дома, когда туда вломился преступник. Вероятно, убийца воспринимает своих жертв просто в качестве объектов для нападения и вряд ли испытывает угрызения совести за содеянное. Убийства Росс и Браун – как и убийства, совершенные Тимоти Спенсером в Вирджинии, – показывают высокую степень криминальной изоциренности, наработанные технические навыки и желание выплеснуть злость на женщин. Так я бы определил профиль личности старшего из неизвестных субъектов.

Я счел нацарапанное губной помадой сообщение на месте убийства Браун любопытным, но отнесся к нему скептически. Это могла быть насмешка нарциссического преступника, его стремление с гарантией спровоцировать шумиху вокруг этого случая в прессе и обрести популярность в результате такого ужасного преступления. Но это могла быть и газетная утка, полностью выдуманная чересчур ушлым репортером, который сделал ставку на сенсацию. Когда мы с Марком Олшейкером изучали убийства Джека-Потрошителя в Уайтчепеле для книги «Дела, которые преследуют нас» (*The Cases That Haunt Us*), мы убедились, что печально известное письмо «Дорогой босс», откуда произошло прозвище Потрошителя, оказалось фальшивкой, вероятно, написанной предприимчивым викторианским журналистом, надеявшимся увеличить всеобщий интерес к делу. Проще говоря, после проведения психолингвистического анализа мы выяснили, что письмо не соответствовало профилю, который мы составили для

предполагаемого убийцы на основе совокупности найденных доказательств, в то время как последующее письмо «Из ада» – гораздо более грубое и небрежно написанное сообщение – в этот профиль уже вписывалось. Полагаю, с сообщением «Поймай меня» могло произойти то же самое.

На мгновение вернемся к нашему профилю ситуации: все изменилось, когда Сюзанну Дегнан убили менее чем через три недели после Фрэнсис Браун. Нет ничего более ужасного для коллективного сознания, чем убийство ребенка, и подробности этого конкретного убийства были настолько чудовищными, что общественность и СМИ требовали скорейшего вердикта и уверенности в свершении правосудия. Казалось немыслимым, что еще одна маленькая девочка может повторить судьбу Сюзанны. На полицию теперь оказывалось сильнейшее давление, требовавшее ускорить поиски подозреваемого. В ответ началась величайшая розыскная операция в истории города, в нее вошли тысячи потенциальных подозреваемых, почти тысяча допросов, сотни проверок на полиграфе и бесчисленные сравнения образцов почерка.

Полиции понадобилось всего два дня, чтобы найти первого подходящего подозреваемого. Гектор Вербург, 65-летний уборщик, работал в том здании, где в прачечной обнаружили тело зарезанной Сюзанны. На записке с требованием выкупа были грязные пятна, словно ее написал кто-то, чьи руки всегда в грязи. Представитель полицейского управления объявил: «Это он».

Казалось, полиция получила свой трофей.

Они продержали Вербурга за решеткой 48 часов и за это время так сильно избили и запугали его, что после этого ему потребовалось десять дней госпитализации. Лишь вмешательство адвоката из профсоюза дворников, который потребовал судебного приказа по правилу хабеас корпус, наконец, привело к освобождению подозреваемого. Термин «хабеас корпус» буквально переводится с латинского как «имеющееся тело», восходит к эпохе английского общего права и дает заключенным право подать петицию и лично появиться в суде для рассмотрения своих жалоб или возражений против незаконного задержания или вынесения приговора.

Рассказывая об ужасающих методах допроса, Вербург заявил: «Еще немного – и я бы признался в чем угодно». Выяснилось также, что письменных навыков уборщика не хватило бы даже для того, чтобы написать примитивную записку о выкупе.

Обращение с мистером Вербургом говорит само за себя. Действия полиции были настолько возмутительными, что дворник подал в суд иск на полицейское управление Чикаго, потребовав 15 000 долларов, что по тем временам было немалой суммой. Суд, судя по всему, пошел ему навстречу и присудил ему эти деньги плюс еще 5000 долларов его жене за то, что полиция вынуждала ее давать показания против мужа.

Когда психолога-криминалиста вызывают в местные правоохранительные органы, его роль заключается в помощи при *переориентации* или *перенаправлении* расследования. Задержание Гектора Вербурга наверняка потребовало бы перенаправления, если бы меня привлекли к этому делу. Во-первых, он находился в слишком преклонном возрасте, при этом у него не было никакой предшествующей истории преступлений. Люди не превращаются в жестоких сексуальных маньяков внезапно. Это подтверждается нашим обширным опытом анализа таких дел. Чтобы кто-то в возрасте Вербурга совершил подобное, в прошлом у него должны быть зафиксированы проявления насилия в отношении детей или других беззащитных существ. Кроме случайного совпадения с местом работы, ничто не указывало на его связь с преступлением.

За Вербургом последовала череда мало подходивших подозреваемых. Один из них, ветеран морских сражений, жил просто по соседству, у него были те же инициалы, что и в бирке прачечной на носовом платке, найденном рядом с местом убийства. У этого человека оказалось твердое алиби, и он легко прошел проверку на полиграфе. Еще был местный мальчишка,

он учился в исправительной школе, куда попал за вооруженное ограбление, и сказал приятелю, что убил Сюзанну. И снова местные газеты объявили дело раскрытым. Не сумев убедить полиграфолога (другими словами, *пройти проверку*), мальчик признался, что выдумал историю, чтобы заставить другого школьника попробовать получить выкуп.

Тем временем более чем за полторы тысячи километров от Чикаго полиция обнаружила подозреваемого, который определенно заинтересовал бы меня.

Ричард Рассел Томас, которому было 44 года, порой бродяжничал и в то время находился в тюрьме округа Марикопа, штат Аризона, по обвинению в домогательстве к своей 13-летней дочери. Чарльз Б. Арнольд, глава отдела проверки подделок при полицейском управлении в соседнем Финиксе, родном городе Томаса, заметил явное сходство между запиской о выкупе и почерком Томаса, когда тот писал не ведущей левой рукой. На момент убийства Дегнан Томас жил в Чикаго, работал медбратом в больнице Вудлон и часто заезжал в автосалон в нескольких кварталах от дома Дегнанов.

Когда Томаса допросили, он признался в преступлении. Однако полиция отнеслась к его словам с подозрением, поскольку он, похоже, не знал всех деталей и просто хотел оказаться за пределами штата, чтобы уйти от обвинений в растлении. Видимо, он чувствовал, что неизвестное зло предпочтительнее зла уже знакомого. Однако, как только ему представилась возможность поразмышлять об этом, Томас довольно быстро отказался от своего признания.

Но если не учитывать сомнительное признание, факты, касающиеся Томаса, были убедительными.

Он был грабителем и раньше уже совершил дерзкое и рискованное преступление.

Он был судим за вымогательство, поскольку отправил записку о выкупе с угрозой похищения маленькой девочки.

Он был причастен к насилию в семье и к сексуальному насилию.

Он работал медбратом, несколько раз пытался выдать себя за врача, к тому же украл хирургические инструменты и снаряжение.

Добавьте сюда известные сведения о том, что он во время убийства находился неподалеку от места жительства Дегнанов, и что его рукописный почерк левши вполне мог оказаться в записке с требованием выкупа. Поэтому такого парня я бы рекомендовал привлечь чикагской полиции в первые ряды подозреваемых. Чтобы достичь того уровня насилия и развращенности, какой был продемонстрирован при убийстве Сюзанны Дегнан, преступнику необходимо пройти ряд эволюционных этапов. Это часто начинается с вуайеризма или мелких краж со взломом, но затем продолжает развиваться. Очевидно, Томас прошел через эти стадии.

Затем возник вопрос с запиской о выкупе. Я бы воспринял ее как серьезное доказательство, а не просто как требование денег. Любой, кто планирует похищение людей, прежде всего «исследует» вероятную жертву. В конце 40-х годов XX века такой вид преступлений встречался гораздо чаще, чем сейчас. Похититель выбрал бы жертву из семьи, у которой есть средства на выкуп. Двадцать тысяч тогда считались солидной суммой, намного превышающей годовую зарплату скромного государственного служащего вроде Джеймса Дегнана.

Если бы получение выкупа было основным мотивом, преступник нацелился бы на жертву, чья семья смогла бы быстро выдать требуемую сумму наличными деньгами. Ведь чем дольше длится похищение, тем опаснее оно становится как для жертвы, так и для преступника. Сопоставив эту мысль с тем фактом, что части тела Сюзанны обнаружались раньше, чем прошли 24 часа или появились хоть какие-либо сведения о передаче денег, вы поймете, что похищение не было основным мотивом преступления. Виновник – это преступник с психопатическими отклонениями, для которого записка о выкупе была идеей второстепенной или запоздалой.

Руководствуясь этими фактами, нельзя сказать, что Сюзанну убил Ричард Томас. Он умер в тюрьме в 1974 году, прежде чем я занялся тюремными допросами от лица ФБР, так что

правды мы, возможно, не узнаем никогда. Но я могу сказать с достаточной степенью уверенности, что убийца Сюзанны был *похож* на Томаса или обладал аналогичными характеристиками.

Однако именно в тот момент – 26 июня 1946 года – 17-летний Уильям Хайренс пытался совершить кражу со взломом в многоквартирном доме. Полиция окружила его с двух сторон, и, попав в ловушку, Хайренс запаниковал, вытащил пистолет и выстрелил. Этот акт, если смотреть на него по прошествии времени, изменил ход всей его жизни, поскольку этим Хайренс продемонстрировал полицейским, что способен на насилие. И именно в этот момент полиция, видимо, потеряла интерес к Ричарду Томасу. Следователи прониклись уверенностью, что к ним в руки уже попал «Помадный убийца».

Хотя федеральных агентов, возможно, просили вмешаться в это дело, полиция не часто рада предложениям перенаправить уже идущее расследование на другого конкретного подходящего подозреваемого. Иногда следователи просто злятся от этого. Скорее всего, так бы и произошло, работай я над делом Дегнан.

Взглянув на Хайренса, я бы посчитал его слишком молодым, чтобы совершить преступление подобного типа и с такой изощренностью, да еще и так резко совершить прыжок от мелких краж со взломом к жестоким изнасилованиям, убийствам и многому другому. Для такого поступка он выглядел чересчур кротким и безвольным. Это покажется особенно верным после того, как мы изучим его личную жизнь и увидим, что в ней не было никакого катализатора, заставившего Хайренса изменить или усилить собственную модель беззакония и антиобщественного поведения. Другими словами, на тот момент в его жизни ничего не изменилось настолько, чтобы вызвать эмоциональную травму или стимул, подтолкнувший к более агрессивному и жестокому поведению.

Он не перешел бы внезапно от краж со взломом к жестокому убийству шестилетней девочки, нагло похищенной из спальни.

Так просто не бывает!

Запомните эту фразу, когда мы углубимся в сущность версий и методов, возникших по ходу дела.

Я мог бы связать этого подозреваемого с вуайеризмом или с фетишистскими ограблениями, когда преступник похищает нижнее белье или личные вещи. Несмотря на то, как его поймали, и что у него с собой было оружие, он, по сути, не сопротивлялся. Я бы не смог четко сказать, что этот тип пытался совершить похищение или даже задумал его, поскольку это потребовало бы слишком плотного взаимодействия с жертвой и полицией.

Не менее важно и следующее: если конечным намерением в деле Дегнан было похищение или убийство, то такой молодой и тихий парень, как Хайренс, просто не смог бы настолько контролировать жертву, это понятно из указанных доказательств. Шестилетняя девочка не пойдет тихо и добровольно с незнакомцем, если он врывается в ее комнату и пытается забрать ее. Это требует от преступника больше опыта и тонкости, чем располагает 17-летний парень вроде Хайренса. Даже идея о том, чтобы кто-то вместе с подобным персонажем перевозил живого или мертвого ребенка в другое место, почти немыслима. А еще я бы очень удивился тому, что преступник использовал лестницу, ведь раньше она ни разу не входила в образ действия Хайренса, используемый для взломов и проникновений в дома.

И вот самый важный фактор с точки зрения психологической криминалистики, который в значительной степени можно считать истиной в последней инстанции. После убийства и нанесения увечий Сюзанне Дегнан *в действиях и личности преступника произошли бы глубокие видимые изменения*. Причем вне зависимости от того, кем был этот неизвестный субъект, но чем он моложе, тем сильнее бы они проявились. Он стал бы сильно нервничать. Окружающие заметили бы негативные изменения в его внешности. Он мог похудеть. Или начать много пить. Он мог казаться отстраненным и озабоченным. Он обязательно проследил бы за рассле-

дованием и, возможно, рассказал бы об этом. Он не остался бы незамеченным в своем кругу общения, у себя дома или в школе.

Согласно многочисленным рассказам самого Уильяма Хайренса, вот что случилось с ним после его ареста.

Как мы уже отмечали, он был доставлен в больницу Брайдуэлл, примыкающую к тюрьме округа Кук, и там ему оказали медицинскую помощь после того, как полицейский сбил его с ног ударом цветочного горшка по голове. Его допрашивали круглосуточно в течение шести дней, все это время почти не кормили и не поили, а также не раз избивали. Он сказал, что ему ногами отбили яички и обожгли их эфиром. Ему отказали в адвокатах, и почти до конца первой фазы заключения он не мог увидеться со своими родителями.

Два психиатра, доктор Рой Гринкер и доктор Уильям Х. Хейнс, ввели ему пентотал натрия, который считался «сывороткой правды», и допрашивали в течение трех часов, как раз тогда и проявился альтернативный тип личности – «Джордж Мурман». Поскольку письменных расшифровок или аудиозаписей этих допросов не сохранилось, неясно, придумал ли Хайренс Мурмана сам или эту версию сочинили врачи либо кто-то еще из находившихся в помещении на допросе. Точно известно лишь, что несколько лет спустя один из психиатров подтвердил: Хайренс не принимал участия ни в одном из трех убийств.

Впоследствии в присутствии капитана полиции Майкла Ахерна, прокурора округа Кук Уильяма Туохи и стенографиста Хайренс, как говорят, предоставил дополнительные сведения о Джордже Мурмане, заставлявшем его грабить, и сказал, что всегда подчинялся Джорджу во всем. Опять же, поскольку расшифровки стенограммы сегодня не существует, я не знаю, насколько она точна, но если бы я ее услышал, то отнесся бы к ней очень скептически. Однако после того, как эта информация просочилась в газеты, публика сошла с ума. Кто же не любит историю *доктора Джекила и мистера Хайда* с уклоном в ужасные убийства? Добавьте к этому украденный набор для препарирования, найденный в его комнате общежития, а также книгу о девиантных сексуальных практиках, и вы получите идеальный портрет способного молодого студента колледжа в роли извращенного насильника и убийцы.

Нет ничего необычного в том, что подозреваемые приписывают вину другому воображаемому персонажу. Дэвид Берковиц, известный как «Сын Сэма» и «Убийца с 44-м калибром», который терроризировал Нью-Йорк в 1976 и 1977 годах, заявил, что убивать ему приказывал черный пес трех тысяч лет от рода. Психологи сообщили об этом репортерам и назвали Берковица параноидальным шизофреником. Все это показалось мне слишком знакомым, поэтому, когда я брал у него интервью несколько лет спустя в тюрьме Аттика, и он начал говорить об этой собаке, я посмотрел ему в лицо и сказал: «Слушай, Дэвид, хорош уже пороть эту чушь. Собака тут ни при чем». Он усмехнулся и признал, что я прав. Просто этот злобный засранец придумал собаку, чтобы улучшить свой собственный имидж и, возможно, мысленно снять для самого себя всю ответственность за преступления.

Осужденный убийца Седли Элли в какой-то момент утверждал, что другая личность вынудила его совершить ужасное убийство младшего капрала морской пехоты США Сюзанны Коллинз. Вообще, я видел несколько вполне реальных случаев диссоциативного расстройства личности (ДРЛ) у маленьких детей – все они подвергались физическому или сексуальному насилию, – однако я не встречал подлинного диагноза ДРЛ, который был поставлен уже после ареста за убийство.

Если бы мне представили историю Джорджа Мурмана, я пришел бы к одному из двух выводов: либо подозреваемый использовал это имя для доказательства своей невменяемости, либо следователи предложили ему такой способ изложить свое дело.

Вскоре после этого Хайренсу сделали спинномозговую пункцию, очевидно, чтобы исключить любое повреждение мозга из-за того, что его ударили горшком по голове. По неизвестным причинам эту болезненную поясничную пункцию провели без анестезии, а затем его отвезли в

детективное бюро для проверки на полиграфе. Он испытывал такую боль, что результаты этой проверки были официально признаны «неубедительными», и ее перенесли на четыре дня.

Я никогда не был большим поклонником полиграфа. Невинные люди часто до глубины души напуганы происходящим процессом и эмоционально реагируют на сомнения в их честности, а социопаты порой не стесняются врать ни перед прибором, ни перед другими людьми. В основном это инструмент, позволяющий следователям плавно перейти к допросу. Я считаю эту проверку абсолютно бесполезной, независимо от того, будет ли в результате испытуемый признан виновным или невиновным.

Были вызваны несколько экспертов по почеркам, чтобы сравнить прошлые образцы почерка Хайренса с надписью помадой и с запиской о выкупе. Лучшее, что смогли придумать полицейские, не дало никакого результата. Отдельные эксперты сходства не обнаружили, а соответственно, и не поверили в то, что слоган «поймай меня» и записка о выкупе написаны одним и тем же человеком. Много лет спустя, в 1996 году, почерковед ФБР Дэвид Граймс заявил, что образцы почерка Хайренса, взятые из его записей в колледже, не совпадают ни с помадными каракулями, ни с запиской о выкупе, а к тому же почерки на уликах не совпадают друг с другом.

Если не принимать во внимание такие детали дела «Мурмана», как проверка на полиграфе и анализ почерка, я бы вновь склонился к одному из ключевых принципов психологической криминалистики: *прошлые действия предполагают будущие действия*. В прошлом Билла Хайренса не обнаружилось ничего, позволявшего допустить, что он сумел бы уверенно действовать, столкнувшись с девочкой во время взлома, не говоря уже о том, чтобы убивать ее так жестоко. Даже если бы он столкнулся с неожиданным появлением жертвы и запаниковал во время кражи со взломом, то мог застрелить ее, чтобы избавиться от ненужной свидетельницы, не дать ей броситься за ним или сообщить в полицию. Он бы не стал наносить ей множество ударов ножом. Это работа человека, давно обозленного на женщин. Когда вы дойдете до третьего преступления в предполагаемой цепочке, то поймете, что для Хайренса непостижимо поступить с ребенком так, как в эпизоде с Дегнан.

Как вы, возможно, уже поняли, я не думаю, что убийство Дегнан совершил тот же человек, который убил Росс и Браун. Эти два преступления больше являются делом грабителя, который искал острых ощущений, который был сексуально мотивирован и склонен к изнасилованию, если возникнет подходящая ситуация. Это убеждение, безусловно, подкрепляется тем фактом, что ни в одной из этих ситуаций не было похищено никаких ценных вещей. К тому же ни одна из этих ситуаций не соответствует схеме, уже отработанной Хайренсом в своих собственных кражах со взломом, а также ничего в его поведении или показаниях по любому его преступлению не указывало на то, что он прогрессировал или развивался в криминальных намерениях.

Точно так же мы не можем игнорировать установленные действия полиции Чикаго в отношении Гектора Вербурга. Если им так захотелось получить признание от бедного пожилого зрителя, что его в итоге пришлось отправить в больницу на десять дней, и после общения с полицейскими у подозреваемого появились серьезные проблемы со здоровьем, как можно предположить, что они не сделают этого снова? Какое бы признание они ни получили от Хайренса, оно не вызывает доверия с самого начала. Даже если не принимать во внимание все другие обвинения в жестокости против чикагской полиции той эпохи, то, что они сделали с Вербургом, делает заявление Хайренса очень правдоподобным и вызывающим доверие.

С этим явлением я в работе сталкивался неоднократно. Честно говоря, каждый раз меня подобное шокировало: подозреваемый, после того как его часами допрашивают в стрессовой обстановке, не только сообщает следователям то, что, по его мнению, способно облегчить его участь. Он действительно начинает терять контроль над реальностью и думает, что, скорее всего, он и правда мог сделать то, в чем его обвиняют. И такое случалось не только с людьми,

чи интеллектуальные способности нельзя было назвать высокими, например, с такими как Дэвид Васкес. Это происходило также со многими очень умными и опытными людьми.

Что же касается самого ужасного вещественного доказательства – кровавого отпечатка пальца на дверном косяке в том месте, где была убита Фрэнсис Браун, – то к нему тоже следует относиться с подозрением. Нам сообщили, что он совпал с отпечатком на записке о выкупе, но этого результата можно добиться, позволив Хайренсу изучить документ. Что еще более тревожно, позже несколько экспертов заявили, что отпечаток с места убийства Браун выглядел «свернутым», словно его получили с помощью техники, которая применяется для нанесения отпечатка пальца на карту. Другими словами, этот отпечаток могли нанести искусственно. Кроме этого, никакие другие вещественные доказательства не связывали Хайренса ни с одним из трех эпизодов.

А вот еще один фактор. Как и все в Чикаго, адвокаты Хайренса – братья Мэлаки и Джон Коглан, а также Элвин Хансен и Роланд Таул – беспокоились из-за признания своего подзащитного виновным и считали своей обязанностью спасти его от электрического стула. Как выяснилось позже, окружной прокурор Туохи тоже чувствовал себя в ответе за это, но не верил, что на основе столь убогих доказательств – частичного отпечатка и возможного отпечатка на странной записке с требованием выкупа – может быть вынесен обвинительный приговор. В итоге обвинители и адвокаты собрались вместе, чтобы обсудить сделку с признанием вины. Они сошлись на том, что Хайренс в обмен на признание вины получит пожизненный срок за три убийства. Это спасет его от казни и даст ему шанс условно-досрочного освобождения в далеком будущем.

Четыре дня спустя газета *Tribune* поведала скрытую от посторонних историю «второго признания» Хайренса, хотя все заинтересованные стороны отрицали свою причастность к этому. Однако престиж *Tribune* после этой придуманной версии настолько поднялся, что другие чикагские газеты быстро последовали ее примеру.

Как выяснилось позже, версия убийств, опубликованная в *Tribune*, помогла адвокатам Хайренса сфабриковать признание, которое они представили в суде, добавив туда многие «подробности», неизвестные подзащитному, судя по его предыдущим признаниям. Хайренс сначала согласился подписать бумаги, но потом отказался, и это вынудило Туохи пригрозить ему еще одним нераскрытым убийством. На самом деле Хайренс в момент совершения того убийства учился в исправительной школе в Индиане, хотя Туохи мог этого не знать или не придавал этому значения. Адвокаты заставляли Хайренса и его родителей признаться и пойти на сделку и, насколько я могу судить, искренне думали, что защищают этим интересы своего клиента.

Затем 30 июля Уильям Туохи собрал в своем офисе чиновников и журналистов, чтобы выслушать официальное признание Хайренса. Однако в последнюю секунду Уильям Хайренс отказался признаваться. Адвокаты защиты были шокированы, а окружной прокурор – оскорблен. Как только этот спектакль закончился, Туохи изменил свое требование на три пожизненных срока вместо одного, и адвокаты предупредили Хайренса, что если тот не согласится подыграть, то электрический стул ему обеспечен.

Неделю спустя, 7 августа 1946 года, Хайренс сделал то, что ему велели, – вновь заявил о своих преступлениях перед нетерпеливой толпой СМИ. Затем 5 сентября перед Гарольдом Уордом, председателем суда по уголовным делам округа Кук, Уильям Хайренс признал себя виновным в трех убийствах. Позже он сказал: «Я признался, чтобы спасти свою жизнь». Это стало жуткой иллюстрацией высказывания Гектора Вербурга, что, если бы его удерживали и мучили дальше, он «признался бы в чем угодно».

Единственной из всех присутствующих, кто сомневался в виновности Хайренса, была Мэри Джейн Бланшар, дочь Джозефин Росс. «Я не могу поверить, что этот юноша, Хайренс, убил мою мать, – сказала она репортеру из *Chicago Herald-American*. – Он просто не вписыва-

ется в обстоятельства смерти моей матери. Я посмотрела все, что украл Хайренс, и там не было ни одной вещи, ей принадлежавшей».

В тот же вечер Хайренс попытался повеситься в своей камере в окружной тюрьме Кук, но его застали за этим прежде, чем он задохнулся. Хайренс сказал, что находится в отчаянии из-за того, что его сочли виновным, и смерть, возможно, изменила бы такое отношение окружающих к нему. Для меня эти его слова стали знаком, что он не в состоянии смириться с тем невыносимым эмоциональным тупиком, куда его загнали.

Наконец, 5 сентября, после заявлений обвинения и защиты, судья Уорд приговорил Хайренса к трем пожизненным срокам, фактически исключив для него возможность условно-досрочного освобождения в будущем. Когда Хайренса переводили из окружной тюрьмы Кук в тюрьму Стейтсвилл, где я встретился с ним более тридцати лет спустя, шериф Майкл Малкахи, один из немногих представителей власти, относившихся к нему с добротой и вниманием, признался, что побеседовал с осужденным: «Вы, вероятно, не знаете об этом, Билл, но я близкий друг Джима Дегнана. Он хочет знать, страдала ли его дочь Сюзанна перед смертью?»

«Шериф Малкахи, я не могу сказать вам, страдала ли она, – ответил Хайренс. – Я не убивал ее. Скажите мистеру Дегнану, чтобы он получше следил за своей второй дочерью, потому что убийца Сюзанны все еще где-то там».

Уильям Хайренс – хилый, больной, прикованный к инвалидной коляске – скончался 5 марта 2012 года в исправительном центре Диксон в возрасте 83 лет. К тому времени он являлся заключенным, отбывавшим самый длительный срок в Соединенных Штатах. Помимо уже упомянутых образовательных достижений, его послужной список за эти годы оказался безупречным, и он заслужил уважение среди многих тюремных работников.

За все это время было предпринято несколько попыток добиться его помилования или хотя бы условно-досрочного освобождения, самая серьезная – со стороны Долорес Кеннеди, помощницы юриста Центра по судебным ошибкам, расположенного в Северо-Западном университете. Кроме того, она написала книгу *«Уильям Хайренс. Его день в суде / Признался ли невиновный подросток в трех ужасных убийствах?»* (*William Heirens: His Day in Court / Did an Innocent Teenager Confess to Three Grisly Murders?*). Ему отказывали в условно-досрочном освобождении по меньшей мере тридцать раз.

Сейчас, по всей видимости, уже слишком поздно выяснять с абсолютной точностью, на самом ли деле Уильям Джордж Хайренс совершил одно или все эти три жестоких убийства, в которых сознался. Однако после изучения всех доступных фактов и доказательств, а также с учетом моего многолетнего опыта психологической криминалистики и анализа уголовных расследований, я больше не верю, что он убийца, и, получается, Хайренс провел большую часть своей жизни за решеткой напрасно. Хоть сейчас он и вне нашего правосудия, я был бы счастлив заявить об этих убеждениях под присягой в суде.

Мне жаль, что я не был достаточно осведомлен, когда впервые встретился с Биллом Хайренсом, чтобы прийти к такому выводу и высказать свою точку зрения. Я приложил массу усилий как на службе в ФБР, так и уже после нее, чтобы изменить свои изначально наивные представления.

В течение всей своей карьеры я помогал избавляться от плохих парней: похитителей и убийц, террористов и сексуальных маньяков, то есть худших из худших. И я получал огромное удовольствие от этой работы. Но для того чтобы подобная деятельность приводила к значимым последствиям, главное для такого специалиста – стремиться к справедливости. Чтобы правосудие могло восторжествовать, нам следует для начала отыскать истину – какой бы она ни была и куда бы ни вела.

Американский процесс уголовного правосудия – система достойная, ее нередко воспроизводят в других странах. Но, как мы уже отмечали, эта система далека от идеала. Невинных людей осуждают, а виновным удается уйти от наказания, и в результате я соболезную всем

жертвам. А потому всем нам следует проявить смирение и осознать необходимость изменений этой системы к лучшему.

Справедливость часто неприглядна, но это не означает, что мы должны закрывать на нее глаза. А идеальное правосудие – абсолютно недостижимая цель для нас, простых смертных. Однако это никоим образом не означает, что мы не должны постоянно стремиться достичь этот идеал. Далее мы рассмотрим случаи, которые отражают некоторые мои личные шаги на пути к идеальному правосудию.

Часть вторая. Вопросы жизни и смерти

Глава 3. «Сегодня вечером убьют невиновного человека»

Что больше всего поражает воображение во время судебных процессов по делам об убийствах? Для меня они становятся кульминацией многих месяцев, а то и лет, тщательного расследования, анализа всех обстоятельств, работы над стратегией обвинения и подготовки свидетелей. Но для «обычных» людей, я думаю, здесь важно кое-что еще.

Суд над убийцей – это величайшая загадка и целое нравоучительное представление. Многих притягивает к такому суду желание не просто узнать, кто же виновен, но и вообще стремление понять, как люди становятся способны на подобные крайности. Это яркая иллюстрация противоречий между человеком и обществом, в котором он живет, олицетворение того, как эмоции, которые мы все с вами переживаем, выходят за рамки социальных норм, а не подавляются этими нормами. Мне кажется, интересно отметить, что три великих вклада западной культуры в мировую, которые связаны с общественными институтами – драма, месса и суд, – все являются театрализованными представлениями в трех действиях: начало, середина и финал. Каждое из этих явлений ориентировано на отношения между человеком и обществом, на борьбу между добром и злом и, в итоге, на способы разрешения этой борьбы.

Неудивительно, что суды по делам об убийствах всегда завораживают. Не просто так СМИ сосредотачиваются на одном конкретном судебном процессе, чтобы показать, как разыгрывается нескончаемая драма между правдой и ложью, между светлым и темным началом, между справедливостью и беззаконием. Нигде это не проявляется столь остро, как в том случае, когда жизнь обвиняемого висит на волоске и зависит от ответа на вопрос, лишил ли он жизни другого человека.

В 1976 году в суде рассматривалось сразу пять дел, объединенных под заголовком «*Грегг против штата Джорджия*». Некоторые ученые назвали это «делом 2 июля» из-за даты принятия окончательного решения. В этот день Верховный суд Соединенных Штатов отменил четырехлетний мораторий на смертную казнь и установил новые нормы для назначения этого наказания.

Почти сразу же противники смертной казни начали поиск дела, способного убедительно показать, насколько глупо разрешать государству убийство людей. Нужен был пример, безусловно доказывающий, что человек казнен за преступление, которое он не мог совершить.

Они провели в безуспешных поисках несколько лет. И вот, наконец, таким примером стало дело Роджера Кита Коулмана.

Городок Гранди расположен в юго-западной части штата Вирджиния. От него порядка 20 километров до границы с Западной Вирджинией, почти 25 километров до Кентукки и всего около 80 километров до Северной Каролины и Теннесси. Гранди является административным центром округа Бьюкенен, лежит в самом сердце Аппалачей. Как и во многих небольших городках, расположенных вдоль этой горной цепи, уголь – это основной источник средств к существованию местных жителей.

Во вторник, 10 марта 1981 года, около 14:25, 21-летний Брэдли Д. Маккой вышел из своего маленького белого кирпичного дома неподалеку от ручья Слейт-Крик на окраине Гранди и отправился на трехчасовую смену в «Юнайтед Коал Компани». Руководство считало Брэда умным и ответственным работником, поэтому его назначили продавцом запчастей, а не отправили в шахту. Во время перерыва, около 21:00, он позвонил своей жене по имени Ванда Фэй. Ей

было 19 лет, она не работала, и ей не очень нравилось сидеть дома одной, пока Брэд на работе. Так что он частенько звонил в это время и спрашивал, как у нее дела. В тот день во время звонка они обсуждали самые обычные вещи, например, куда денут деньги, которые появятся у них с возврата после выплаты налога.

Когда Брэд вернулся домой, около 23:15, его удивила полная темнота вокруг дома. Ванда обычно оставляла для него включенный свет на крыльце. Кроме того, дверь черного хода была открыта нараспашку, Ванда обычно не допускала такой неосторожности. Он открыл парадную дверь своим ключом и вошел в гостиную. В комнате горел свет и работал телевизор, журнальный столик был сдвинут со своего места. Брэд увидел на полу что-то похожее на капельки крови. Он позвал Ванду, та не ответила.

Бросившись в спальню, он увидел Ванду на полу. Она лежала на спине, руки над головой, волосы закрывают лицо, ноги раскинуты. Вязаный свитер и бюстгальтер замотаны вокруг шеи. Темно-синие трусики обернуты вокруг левой лодыжки, синие джинсы валяются на кровати. Из одежды на ней были только носки в синюю полоску. На груди, на шее и на голове виднелось много крови.

Брэд пришел в ужас, но у него хватило присутствия духа, чтобы не касаться лежащего тела. Он позвонил своему отцу, Максу, тот жил неподалеку, был шахтером на пенсии и носил прозвище «Хеззи». Его отец сообщил в департамент шерифа округа Бьюкенен, а затем пошел в дом Брэда и Ванды.

Сержант Стивен Д. Коулман еще с одним офицером первыми прибыли на место происшествия, примерно в 23:25. Сержант попытался проверить пульс на шее Ванды, но там было столько порезов, что он не смог найти хотя бы один неповрежденный сосуд.

Через несколько минут в Гранди приехал шеф полиции Рэндалл С. Джексон. Он ощупал запястье Ванды. По его словам, оно все еще оставалось теплым, но он тоже не смог обнаружить пульс. Шеф приказал вызвать судебно-медицинского эксперта Томаса Д. Макдональда. Доктор Макдональд жил поблизости и приехал быстро. Он констатировал смерть и определил, что ее причиной стала «режущая рана в горле». Судя по температуре тела и отсутствию трупного окоченения, он пришел к выводу, что смерть наступила около тридцати минут назад, но в любом случае после 22:30. Эксперт решил не трогать тело до тех пор, пока специальное следственное подразделение полиции штата не осмотрит место происшествия.

После того как команда на месте преступления закончила работу, тело доставили в город Роанок. Там вскрытие, которое провел доктор Дэвид У. Оксли, подтвердило выводы доктора Макдональда. Порез был настолько глубоким, что правая сонная артерия, яремная вена и гортань оказались разорванными. Два глубоких колотых ранения в груди достали до сердца и легких, но крови оттуда вышло немного, и Оксли пришел к выводу, что их нанесли посмертно или, по крайней мере, после того, как кровяное давление снизилось из-за повреждения артерии. Кроме того, он обнаружил два чужеродных волоса в области гениталий.

Такое жестокое убийство, как и следовало ожидать, вызвало шок в этом маленьком городке. Брэд сказал следователям, что Ванда была от природы робким человеком и боялась оставаться дома одна, особенно ночью. Если бы я помогал в этом деле, то это стало бы ключевым элементом в процессе изучения жертвы преступления. Особенно потому, что входная дверь была заперта, когда Брэд вернулся домой. Он сказал, что в городе есть всего три человека, кому его жена могла без страха открыть дверь. Полицейским быстро удалось установить алиби у двоих из них.

Третьим был зять Ванды, 22-летний Роджер Кит Коулман, женатый на ее 16-летней сестре, Патрисии. Ванда и Патрисия были самыми младшими дочками в семье из восьми мальчиков и восьми девочек. Как и отец Брэда, отец Ванды до пенсии работал шахтером. Роджер и Патрисия жили в доме бабушки Роджера, примерно в пяти минутах ходьбы от дома Маккоев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.